

УДК 304.9

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-94-99

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

## Лагерь как скрытая парадигма современности: к негативной онтологии биополитического общества

Алексей Владимирович Яркеев

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник<sup>1</sup>,

✉ alex\_yarkeev@mail.ru

<sup>1</sup> Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Целью статьи является рассмотрение феномена концентрационных лагерей в контексте биополитики. Утверждается, что лагерь представляет собой радикальный вариант биополитики, которая определяет человека просто как «живое существо». На пределе биополитического подхода к обществу возникает негативная онтология «мертвой жизни», воплотившаяся в узниках концлагерей. Обосновывается принципиальная зависимость биополитической парадигмы от метафизического истолкования человека в качестве «разумного животного» (*animal rationale*), в рамках которого человеческое бытие мыслится как производное от животной (биологической) основы, которую биовласть стремится поставить под свой тотальный контроль. Топос лагеря представляет биополитическое управление человеческой жизнью как массовое производство смерти, поскольку «просто живое» в конечном счете обнаруживает единственную потенциальную способность — способность к смерти.

*Ключевые слова:* лагерь, биополитика, биовласть, человек, метафизика, конец метафизики, негативная онтология

**Для цитирования:** Яркеев А. В. Лагерь как скрытая парадигма современности: к негативной онтологии биополитического общества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 94–99.

## Camp as a Hidden Paradigm of Modernity: towards a Negative Ontology of Biopolitical Society

Alexey V. Yarkeev

Doctor of Science (in Philosophy), Associate-Professor, leading researcher<sup>1</sup>,

✉ alex\_yarkeev@mail.ru

<sup>1</sup> Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)

The aim of the article is to examine the phenomenon of concentration camps in the context of biopolitics. It is argued that the camp represents a radical variant of biopolitics, which defines the human being simply as a “living being”. At the breaking point of the biopolitical approach to society, a negative ontology of ‘dead life’ emerges, embodied in concentration camp prisoners. The crucial dependence of the biopolitical paradigm on the metaphysical interpretation of man as a “rational animal” (*animal rationale*) is substantiated, in the framework of which human existence is considered as derived from the animal (biological) basis, which the biopower seeks to bring under its total control. The topos of the camp presents the biopolitical management of human life as the mass production of death, since “merely being alive” ultimately reveals the only potential capacity: the capacity to die.

*Keywords:* camp, biopolitics, biopower, man, metaphysics, the end of metaphysics, negative ontology

**Citation:** Yarkeev A. V. Camp as a Hidden Paradigm of Modernity: towards a Negative Ontology of Biopolitical. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No. 1(96). Pp. 94–99 (In Russ.).

В исследовательском проекте М. Фуко, посвященном генезису современной биовласти, наряду с такими сюжетами, как «рождение клиники» [1], «рождение тюрьмы» [2], «рождение биополитики» [3] и др., явным образом отсутствует тема «рождение лагеря». По этому поводу Дж. Агамбен вполне резонно задается вопросом о том, почему М. Фуко никогда не делал предметом своих исследований тоталитарные государства 20-го в. и концентрационные лаге-

ря [4, с. 10–11]. Трудно теперь сказать, обратился бы сам М. Фуко к теме лагеря или нет, если бы его жизнь не оборвалась в самом расцвете творческих сил, но сама логика развития его размышлений по поводу различных аспектов биополитики — прежде всего следует упомянуть его соображения относительно танатополитики как изнанки управления жизнью [5, с. 238–251] — заставляет склоняться в пользу первого варианта.

Действительно, концентрационный лагерь воплощает радикальный вариант биополитики, которая определяет человека просто как «живое существо». Отрицание всех предикатов человеческого субъекта посредством сведения его к «голой жизни» (*nuda vita*), к чистой *animalitas*, на пределе обнаруживает единственную потенциальную способность — способность к смерти («просто живое», которое может только перестать жить). Концлагерь существует как место производства смерти, или как «фабрика смерти». Это то «место», где воплощается самое радикальное *conditio inhumana* [6, с. 43]. Лагерь *eo ipso* знаменует собой конец всей западной метафизики<sup>1</sup>. Сама метафизика в ситуации «конца метафизики» переходит в режим посмертного существования, в рамках которого возникает новая онтология «мертвой жизни», воплотившаяся в узниках концлагерей.

Слова М. Хайдеггера о том, что метафизика влечет нас в темноту человеческого существа [7, с. 31], в контексте бесчеловечных событий 20 в. приобретают «зловещий» смысл. Лагерь как абсолютный предел метафизики, полностью «завершающий» метафизику, сам в нее как бы не входит, поэтому представляет собой «исключенное включенное» метафизики. Это то, что метафизика никаким способом выразить не может, это нечто «невыразимое» в ее системе координат, в ее пресуппозициях и категориальных схемах. Соответственно, мы можем вести речь о некоем принципиально новом способе представления бытия — не позитивно, как «присутствия» (*Da-Sein*), но негативно, как «отсутствия» (*Fort-Sein*). Безусловно, предел как граница является отношением различности. В случае с метафизикой это не отличие метафизики от чего-то другого, а отличие ее как целого от самой себя, когда она на пределе предъявляется как бы с «изнаночной», или «темной», стороны [8, с. 72].

«Конец метафизики» М. Хайдеггер связывает с отождествлением человечности и животности в господствующем представлении о человеке как «рациональном животном» (*animal rationale*). Сплавление человечности (*humanitas*) и животности (*animalitas*) в парадигме рациональности (*ratio*) как стоящей на службе у практического использования исчисляющей и планирующей способности дает начало биополитике как технологии научно-рационалистического управления жизнью населения [9, с. 32]. Биополитика — пастырская по существу своему власть (М. Фуко), в пространстве которой люди (человеческая масса) фактически понимаются

как опекаемое животное стадо, т. е. как некое *сконцентрированное* в одном месте множество живых единиц [10]. Если тюрьма демонстрирует технологию дисциплинарной и индивидуализирующей власти, то лагерь — это власть над концентрацией живой массы, которая реализуется посредством «фабрикации». «Труд фабрикации тем продуктивнее, чем большим количеством материи он располагает. Он совершается путем концентрации и сжатия» [11, с. 102]. Аналогично тому, как тюрьма не является естественным развитием права, а представляет собой разрыв с ним вследствие изменения модальности функционирования власти (ориентация на контроль и исправление индивида), точно так же концлагерь не является естественным развитием пенитенциарного института тюремной изоляции. Место тюремного заключения никогда реально не исключается из общественного пространства, оно является его важнейшей составной частью и подчиняется его законам и контролю. Тюрьма — это социальный институт. Лагерь же представляет собой абсолютное социальное исключение, словно узники уже не являются частью мира живых [12, р. 6–7]. В этом смысле можно говорить о том, что они находятся в ситуации «между двумя смертями»<sup>2</sup>: физически они еще живы, но символически уже мертвы. Сама логика биовласти, превращающая человеческое присутствие, включенное в символический порядок (*Da-Sein*), в голое биологическое существование, полностью исключенное из символического порядка (*Fort-Sein*), с неумолимой необходимостью продуцирует лагерь как «серую зону» голого существования, являющегося закономерным итогом «искусственного поворота вспять процесса культурогенеза», целенаправленного «стирания нанесенных в течение жизни знаков культуры» [13, с. 75].

Изначально лагерь — это специальная локализация, которая существует на протяжении ограниченного периода. Данная дефиниция подтверждается первыми лагерями, основанными сначала испанцами на Кубе в 1895-м году и затем британцами во время англо-бурской войны в Южной Африке. В обоих случаях с некоторыми нюансами лагеря использовались для контролируемого «сосредоточения» крестьян, чтобы лишить повстанцев укрытия, продовольствия и поддержки. В 1904 г. немецкие колонисты в Юго-Западной Африке использовали модель «концентрации», применив одно существенное «нововведение»: они не просто согнали в лагеря африканское племя гереро, но и заставили людей работать на пользу немецкой колонии [14, с. 21]. С этого «новшества» из-

<sup>1</sup> По М. Хайдеггеру, метафизика является способом существования европейского человечества (его судьбой), в котором мышление выступает как один из моментов.

<sup>2</sup> Термин Ж. Лакана, которым он охарактеризовал заживо замурованную в пещере по приказу фиванского царя Креонта Антигону.

меняется модальность функционирования лагерей и начинается новая эпоха, когда лагерь становится скрытой матрицей и номосом современного общества, в котором мы живем [4, с. 211]. Если до этого лагерь был *временным* средством, использовавшимся в период ведения войны, то теперь он превратился в *форму организации производительного труда*. Иными словами, он был перенесен из военного времени как периода действия чрезвычайного положения, элементом которого он являлся, в мирное время. Несмотря на то что К. Шмитт ничего не писал о лагерях, его теория суверенной власти как инстанции, принимающей решение о чрезвычайном положении, является ключевой для понимания сущности лагеря как пространства исключения. Хотя производство «голой жизни» имело место до фактического изобретения лагерей в форме специфической локализации, однако именно лагерь является таким местом на Земле, где производится «голая жизнь» в самом радикальном ее выражении.

Благодаря тождеству локализации (*Ortung*) и порядка (*Ordnung*) делаются видимыми формы человеческого сообщества, формы власти и господства [15, с. 8–9]. Эти формы охватываются понятием номоса (*nomos*). Через отсылку к этимологии этого слова К. Шмитт заключает, что история человеческого общества развивается как номос, который всякий раз завершается захватом и установлением границ. Как считает Дж. Агамбен, лагерь — это не просто исторический факт и случайная аномалия, относящиеся исключительно к прошлому, это именно скрытый *nomos* современности, в условиях которой чрезвычайное положение становится фактической нормой. Ввиду того что лагерь является материализацией чрезвычайного положения и созданием пространства для производства голых жизни в максимальной степени, мы сталкиваемся с лагерем каждый раз, когда создается подобная структура, вне зависимости от характера совершающихся или не совершающихся в ней преступлений [6, с. 47]. Организационная конструкция лагеря становится экспериментальной площадкой для реализации таких биополитических практик, где стратегии исключения создаются и поддерживаются через механизмы контроля. В этом смысле лагерь перестает быть чем-то маргинальным и абстрактным, превращаясь в механизм, пронизывающий различные аспекты жизни: от законодательных практик до социальных норм. Иными словами, лагерь сегодня характеризует все социальное<sup>3</sup>, так как парадигма лагеря подчиня-

ет себе все общество, структурируя его своей парадоксальной логикой «включающего исключения». Жизнь в биополитическом обществе — это постоянное существование в тени лагеря как составляющей более широких социально-организационных и пространственно-политических форм современности [16].

Человек, метафизически понятый как *animal rationale*, в 20-м в. становится «трудящимся животным», *animal laborans* [17, с. 417]. Труд, отмечает М. Хайдеггер, достигает метафизического ранга абсолютного опредмечивания всего сущего, превращения сущего в материал для производства. В этот процесс оказывается вовлеченным и сам человек в качестве важнейшего «материала» [18, с. 177–192]. «Биополитика, извлекающая из населения выгоду, создает модели в диапазоне от человека-предприятия до хефтлинка Аушвица и фитиля ГУЛАГа — предельных степеней экстрактивных экономических институтов, обращающих жизнь человека в максимальную прибыль» [19, с. 16]. Производительный труд понимается по своему существу как разрушительное насилие: невозможно сделать деревянный стол, не уничтожив дерева. Это положение применяется также к политической деятельности и историческим событиям. Рабочий класс как истинный субъект трудовой деятельности является также главным действующим лицом политического и исторического бытия, преобразующего его посредством революционного насилия (К. Маркс), материалом для которого являются сами люди, человеческие жизни. В этой оптике лагерь оказывается окончательным продуктом тех движений, которые «бескомпромиссно настаивают на технических и разрушительных элементах в нашей политической мысли» [20, с. 475].

Согласно Дж. Агамбену, лагерь является окончательным продуктом решающего метафизического конфликта между человечностью и животностью в западноевропейской культуре, служившего двигателем историзации человека. Различие «человек/животное» — это та «антропологическая машина», которая отвечала за производство человека, начиная с античности, и которая полностью исчерпала себя в современную эпоху в биополитике. Политическая традиция возникла в античности в результате исключения чисто животной жизни (*zoe*), общей всем живым существам, из человеческого способа существования (*bios*). Биополитика, чьей финальной точкой развития стал концлагерь, исключила чело-

<sup>3</sup> Социальное как «кэмпинг» в широком диапазоне от лагерей для беженцев, мигрантских гетто, фавелл, закрытых городов, режимных предприятий, гигантских городов-заводов и т. п. до урбанизированных «человекинов», глэмпинга, party-туризма, закрытых сообществ и др., включая современный цифровой паноптикон. К этому следует также добавить парадигмы биобезопасности и борьбы с террористической угрозой, в свете которых социальное фактически реорганизуется по типу лагеря.

веческую жизнь, взяв в качестве своей основы чистую животность, т. е. голое существование. Иными словами, в истинной политике животность человека мыслится как чистая «оставленность» [6, с. 96], или «отставленность», которая не превращается в объект господства. В биополитике человек пытается овладеть собственной животностью с помощью научно-технического администрирования.

Как известно, М. Хайдеггер категорически отрицал правомерность традиционного метафизического определения человека, в рамках которого человечность возникает как некая добавка к «просто живому» («политическое животное», «социальное животное», «разумное животное» и т. п.). Человеческое присутствие, пишет М. Хайдеггер, «никогда не получится онтологически определить, установив его как жизнь (онтологически неопределенную) — и сверх того еще что-то другое» [21, с. 50]. Различие между человеком и животным проходит по границе языка (человек как *zoon logon echon*)<sup>4</sup>. Но тогда животное возникает только за вычетом главного отличительного признака человеческого — языка. Следовательно, говорящий человек и безмолвное животное возникают одновременно благодаря языку: животное — это существо, «лишенное» языка, а человек — это существо, «имеющее» язык. Различие «человек/животное» — это не столько объективное различие, сколько субъективное представление человека по поводу собственной сущности: самоопределяясь в своем существе, человек исключает самого себя в отчужденном облике животного, не обладающего речью [6, с. 95]. Единственное, полагает Дж. Агамбен, что всегда оставалось без необходимого осмысления в определении человека как живого существа, обладающего языком, это сам способ «обладания», ибо ни в живом существе, ни в языке невозможно достичь той точки, в которой обнаруживается что-то вроде их обоюдного сопряжения. Возникает проблема «отсутствующей связи» (*missing link*) между человеком и животным. В качестве такого переходного звена постулируется «человек без дара речи» (*homo alalus, sprachloser Urmensch*). Он «уже-не-животное», но «еще-не-человек». У Аристотеля таким «переходным звеном» является человек-растение, «человек, который не говорит». Не-человек — это не человек и не животное, это нечто неопределенное, то, что обнаруживается в расщелине между человеческим и животным [6, с. 50]. Подобно тому как при рас-

щеплении атомного ядра высвобождается разрушительная энергия, точно так же при расщеплении целостности человеческого бытия на «человеческое» и «животное» высвобождается некая потусторонняя «не-человеческая не-сущность», полностью разрушающая мир человеческого присутствия. Концлагерный «живой мертвец», «доходяга» — это и есть имя этой пропасти между человеком и животным.

Граница, разделяющая человека и животное, их также и соединяет. Следовательно, она должна быть в том числе чем-то таким, что является общим как для человека, так и для животного. Очевидно, что этим «общим знаменателем» является сам факт жизни как таковой, т. е. просто голая жизнь в ее неопределенности<sup>5</sup>. Обособление жизни как таковой реализуется в рамках биологии как «науки о жизни», или «науки о живом». «Со временем из метафизики полного забвения бытия, лежащей в основании биологизма XIX в., <...> возникает то непризнание всех законов бытия, конечным результатом которого является чудовищное очеловечение „твари“, то есть в данном случае животного, и „оживотнение“ человека» [22, с. 328–329]. В своем курсе «Основные понятия метафизики. Мир — конечность — одиночество» М. Хайдеггер использовал теорию Я. Фон Иксюля для различения человека и животного [7]. Иксюль проводит различие между *Umgebund*, объективным пространством, и *Umwelt*, комплексом фиксированных элементов, выступающих носителями значений и признаков, на которые реагируют животные. Любой организм представляет собой замкнутую систему взаимообуславливающих функций, которая образует «строительную схему» каждого животного. Не существует организма, независимого и оторванного от окружающей среды. Способ отношения организма с окружающей средой составляет его специфику. По мнению Иксюля, в этом обстоятельстве заключается сама суть жизни. Раздражители внешней среды, которые животное способно воспринимать в силу своей «строительной схемы», составляют единственную действительность, существующую для него, и в результате этого физического барьера животное отгораживается от всех остальных цепей существования. Поэтому, полагает М. Хайдеггер, животное существует в «окружающей среде», а человек бытийствует в «мире». Животное «обделено миром» (*weltarm*). В человеческом бытии окружа-

<sup>4</sup> В аристотелевском определении человека как «политического животного» (*zoon politikon*) способность к политическому общению обусловлена наличием у человека речи (языка).

<sup>5</sup> Условно говоря, граница между человеком и животным имеет две стороны: та, которая прилегает к человеку, является языком, отделяющим человека от животного; та, которая прилегает к животному, является биологической жизнью, соединяющей человека и животное. Проблема, о которой говорит Дж. Агамбен, как раз и выражается вопросом о том, каким образом язык и биологическая жизнь сопрягаются между собой.

ющая среда становится разомкнутой, и через этот *просвет* свободы человеку открывается мир как горизонт возможностей. С этой точки зрения, опыт концлагеря — это прежде всего опыт утраты мира. Будучи сведенным в своем существовании к животным инстинктам и импульсам, заключенный лагеря реагирует только на определенные стимулы, определенные «носители значений» (пища, температура, свет, боль и т. д.), т. е. лагерь — это именно такое место, которое является не миром, а окружающей средой. Однако «доходяга» как центральная (сущностная, определяющая) фигура лагерного пространства предъясняет некую третью область, которая не выступает ни миром, ни окружающей средой, поскольку «доходягу» нельзя считать ни человеком, ни животным. В отличие от животного, у «доходяги» как «живого мертвеца» даже нет окружающей среды, ибо в своем околевающем оцепенении он больше не реагирует ни на какие «раздражители». Последнее, что всегда остается на пределе человеческого существования, это язык, но «доходяга» лишился даже языка. Он превращался в того «человека без дара речи», который до этого постулировался только в качестве теоретической конструкции для описания промежуточного состояния существа, находящегося в своем развитии между человеком и животным. У «доходяги» оставалось только бессвязное бормотание или хрип умирающего.

Открытость как неопределенность человеческого бытия (*Sein*) в потоке языка символически определяется множественным способом в конкретности человеческого присутствия как

вот-бытие (*Da-Sein*), тем самым существование каждого человека гарантированно укореняется в границах человеческого со-бытия как мира языковой сообщаемости, или со-в-местности (*Mit-Sein*), обеспечивающей ему принципиальную позитивность. Основным признаком и условием перехода человеческого бытия к биополитической «голой жизни» является «стирание» языка. Без языка человек, голый и немой, оказывается в полном одиночестве лицом к лицу с обнаженной неизбежностью своих страданий и собственной смерти, которая перестает быть жизненным горизонтом, внутренним пределом жизни. Человек еще живет только потому, что у него просто сохраняется естественная привычка продолжать жить, или выживать. Жизнь как событие становится исчерпанной, пустой, лишенной какой бы то ни было ценности<sup>6</sup>. В ней уже ничего не может произойти, кроме смерти. Поскольку каждый миг жизни является моментом движения к смерти, постольку жизнь в состоянии исчерпанности оборачивается чистым производством смерти.

Именно эта ненужность человеческой жизни служит скрытой основой и, в конечном счете, продуктом биополитической формы правления, для которой человечность во всем многообразии присущих только ей символических проявлений, включая человеческую солидарность, оказывается избыточной. Поэтому биополитическая забота о жизни неизбежно превращается в стремление ее уничтожить. Вопрос всегда только в том, где, когда и как это произойдет.

## Список источников

1. Фуко М. Рождение клиники. М., 2010.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
3. Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010.
4. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
6. Агамбен Дж. Средства без цели. Заметки о политике. М., 2015.
7. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир — Конечность — Одиночество. СПб., 2013.
8. Агамбен Дж. Открытое. М., 2012.
9. Яркеев А. «Право на жизнь» в пространстве биополитики // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26, № 1.
10. Яркеев А. Государство и биополитика: к истокам взаимосвязи // Политика и общество. 2021. № 3.
11. Бергсон А. Творческая эволюция. СПб., 2017.
12. Pitzer A. One Long Night. A Global History of Concentration Camps. New York, Boston, London, 2017.
13. Попова О. Человек как артефакт биотехнологий. М., 2017.
14. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. М., 2015.
15. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008.
16. Diken B., Laustsen C. The Culture of Exception. Sociology facing the Camp. London, New York, 2005.

<sup>6</sup> Формула «жизнь, недостойная жизни» (нем. *Lebensunwertes Leben*) была обозначением тех слоев населения, которые, по мнению нацистского режима, не имели права на жизнь.

17. *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни.* СПб., 2000.
18. *Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления.* М., 1993.
19. *Попов Д. Бювласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики.* Омск, 2021.
20. *Арендт Х. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм.* М., 2018.
21. *Хайдеггер М. Бытие и время.* М., 2011.
22. *Хайдеггер М. Парменид.* СПб., 2009.